

WORLD
WARCRAFT
MISTS of PANDARIA

Испытание Алых Цветов

Камерон Дейтон

Десятый следовал за чужеземцами весь день и был уверен, что у них есть деньги. Об этом можно было догадаться по их осанке, одежде и уверенности, с которой они продвигались через рынок. Умение определять достаток потенциальных жертв помогало Десятому выжить даже в нынешние суровые времена.

Их было четверо — путешественников с севера, как можно было судить по их тяжелым, плотным плащам. И даже если одежда не по сезону не доказывала, что они нездешние, то выбор проводника — наверняка: они наняли Йогу, старого пьяницу из народа цзинь-юй, который почти целыми днями дрых у маленького стоячего пруда неподалеку от рынка. Йогу был тощим даже по меркам цзинь-юй и часто нес неразборчивую чушь. А еще у него местами не хватало чешуек. Почему эти господа выбрали его своим проводником, для Десятого было загадкой. В любом случае, платили они явно щедро, потому что Йогу уже много лет не проявлял такой прыти — он активно жестикулировал и рассказывал про неказистые достопримечательности рынка Полугорья так, словно бы это были статуи Нефритового храма.

Сами же путешественники были молчаливы и не реагировали на кривляния амфибии. Было очевидно, что эти пандарены надеялись найти более адекватного и *молчаливого* проводника и уже жалели о своем выборе.

Десятый прислонился спиной к стене в переулке и попытался привести мысли в порядок. Думать, когда живот скручивало от голода, было тяжело, но лучше не станет, если он не пораскинет мозгами. Урожай в этом сезоне был плохим даже здесь, в Долине Четырех Ветров. Фермеры внимательней следили за

товарами, а на торговых путях разместили еще больше стражи, чем обычно. В прошлый раз он ел сутки назад — это был персик, который скатился с повозки торговца фруктами, уезжавшего с рынка. Или... казалось, что он скатился, когда повозка проезжала мимо сидящего в тени Десятого. Десятый уже немало попользовался «беспечностью» Кима Вон Ги в прошлом; он хотел бы отблагодарить щедрого торговца... но перестать красть у него был не готов. Как же еще выжить вору?

Вор. Десятый не гордился тем, что делал... что ему *приходилось* делать. Если б его отец был жив, он бы все лапы искусал от горя.

Нельзя сменить времена года...

Группа уходила. Йогу закончил долгий монолог о Святилище Честного Торговца — эпичное, эмоциональное представление, сопровождавшееся сложными жестами. Пандарены никак не отреагировали на этот спектакль и не протянули своему провожатому и монеты, пока он стоял с воздетыми руками, подобно могучему дереву таолунь. Йогу лишь пожал плечами и продолжил путь. Чужеземцы последовали за ним, один из них качал головой.

К этому моменту Десятый был уверен, что они направляются в Совет Земледельцев — единственное примечательное здание в том направлении. Он улыбнулся. Конечно же, эти богатые чужеземцы прибыли сюда, чтобы встретиться с могущественным союзом фермеров, возможно, для обсуждения торговли или контрактов. Может, они торговцы? Это бы объяснило объемные плащи, которые застегивались на широких набитых животах и скрывали, если Десятый не ошибался, глубокие карманы и кошельки, полные золота. Приглядевшись, он смог различить, как сильно натягивалась темная ткань у них на талии. Да. Под ней было спрятано золото. Его пальцы дернулись в предвкушении.

Это случилось, когда группа пересекала мост Фо. Намь Железная Лапа, распорядитель припасов, как раз добрался до верхней точки моста на повозке, доверху груженной лососем. Одно колесо разболталось и, когда Намь помахал приближающимся путешественникам, внезапно сломалось под тяжелым грузом.

Дородный бакалейщик в ужасе обернулся, беспомощно глядя, как перегруженная повозка опрокинулась и на мост хлынул весь богатый ночной улов.

— Нет! Нет! — закричал он; его усы задрожали, еще сильнее подчеркивая отчаяние.

Серебристая мокрая лавина, едва сдерживаемая высокими бортиками, хлынула по доскам моста прямо на испуганного Йогу и его подопечных. Бедный цзинь-юй, который явно был еще навеселе, повторил возглас Намя, адресовав его надвигающейся рыбе, — «Нет! Нет!» — и попытался отмахнуться от нее отчаянными, умоляющими жестами. Лосось не обратил на них никакого внимания.

С громким влажным шелестом, сопровождаемым шлепками, группа исчезла под богатым уловом. Десятый поморщился, представив, каково это — быть погребенным под липкой вонючей рыбой. В следующий миг волна схлынула и оставшиеся рыбины соскользнули с моста в протекающий под ним поток. Четверо пандаренов-торговцев успели ухватиться за доски, чтобы удержаться, и теперь помогали друг другу подняться. Йогу вместе с рыбой снесло в воду, откуда он не спешил показываться. Это вызвало смех, а не тревогу — этот пьяница цзинь-юй в воде чувствовал себя лучше, чем на суше. Пока к месту происшествия бежали родичи Намя и другие жители деревни, с рынка раздавались крики и смех.

Десятый понял, что наступил удачный момент для действий.

Выскользнув из тени, он смешался с толпой и двинулся вместе со всеми к перевернутой повозке. Десятому было четырнадцать, он был худ и гибок с пятнами серой шерсти там, где у большинства пандаренов была белая, и поэтому он легко оставался незамеченным в возникшем хаосе. Обычно у него это легко получалось. Умение быть незаметным стало своего рода отличительной чертой младшего сына бедного фермера, выращивавшего репу. Сына, названного по порядковому номеру его рождения.

Пять его старших братьев разделили наследство после смерти отца и скоро поняли, что пять клочков плохонькой земли едва могут прокормить их; какой

был смысл делить их еще дальше, если это означало, что всем придется голодать? Так что оставшимся пятерым, младшим, пришлось выбирать: остаться помогать на ферме, стать работниками или... уйти. Десятый ушел, к облегчению своих братьев. Все равно на ферме молодому пандарену делать было нечего. Он сомневался, что его отсутствие вообще заметили.

Он видел, как члены семьи Железная Лапа пытались выправить повозку, в то время как остальные пандарены пытались собрать как можно больше рыбы в корзины, горшки и собственные фартуки. Намь, опустив голову, подошел к четверем чужеземцам и рассыпался в извинениях. Десятый ожидал, что эти богатые торговцы будут в ярости из-за столь сомнительного приема в Полугорье, но с удивлением обнаружил, что они смеются — мягким и рокошущим смехом, смахивая чешую со шляп и хлопая друг друга по плечам. Один из путников выудил большую рыбину из-за шивороты и с поклоном передал Намю. Распорядитель припасов выдохнул с облегчением при виде их веселья и отошел, чтобы проследить за спасением груза. Лосось стоил дорого, и уже много месяцев он так здорово не нагружал повозку.

Десятый двинулся вперед, потихоньку собирая рыбу вместе с Железными Лапами. Приблизившись к путешественникам, он сделал вид, что поскользнулся, и налетел на самого крупного из них. Торговец обернулся, и Десятый ахнул. У его жертвы не было одного глаза. Длинный шрам рассекал лицо путешественника от брови до подбородка, а то место, где должен был быть глаз, закрывала черная повязка. Торговец явно привык к такой реакции, так что лишь улыбнулся и удержал Десятого, предупредив, чтобы тот ступал осторожнее по мокрым доскам. Голос у него оказался сильным, но добрым, и юный вор ощутил укол стыда за то, что собирается обворовать столь приятную личность.

Но добрыми мыслями голодное брюхо не наполнишь.

Десятый застенчиво поклонился, как сделал бы любой деревенский ребенок, и отошел. Кожаный кошель, снятый с плаща торговца, Десятый заткнул под грязную тунику и с предвкушением ждал момента, когда сможет увидеть свою добычу. Золото? Нет, недостаточно тяжелый. Драгоценности? Возможно. Он надеялся, что этого хватит, чтобы купить горячей еды и еще одно одеяло. Зима

приближалась, и Десятый боялся замерзнуть. Юный пандарен не забыл заодно прикарманить и несколько рыбин помельче, но испытывать свою удачу дальше не стал. В животе снова заурчало.

Он добрался до окраины рынка и сделал вид, что счищает чешую с рукавов, одновременно изучая происходящее позади. Уход Десятого остался незамеченным, и все до сих пор собирали рыбу, стараясь успеть до того, как ее унесет неторопливый поток. Вытащив кошель из-под туники, он быстро развязал кожаный шнурок и вытряхнул содержимое на лапу.

Это было не золото и не драгоценности. Это был свиток. У Десятого сердце оборвалось. Дурацкий свиток, намотанный на простой латунный стержень с наконечниками из кости. Он поднял хрупкую вещицу и сломал восковую печать, чтобы проверить, можно ли разобрать эту штуку. Может, удастся продать кость.

Он пробежался глазами по листу, невольно выхватывая слова. Много лет назад его старший брат, Седьмой, научил Десятого читать, чтобы тот хотя бы помогал с подсчетом урожая. Десятый обучился быстро и убедился в том, что навык приносит ощутимую пользу, когда выбирал, какой мешок утянуть с неохраняемого прилавка. Послание было написано четким, резким почерком, и по мере прочтения пустой живот Десятого все больше и больше сводило от ужаса.

*Почтенному Хаоханю Грязному Когтю, главе земледельцев Долины
Четырех Ветров.*

В этом послании мы передаем приветствие, благословение вашим полям и предупреждение. Недавно мы получили в свое распоряжение сведения о том, что несколько племен яунголов продвигаются сейчас на восток из Танлунских степей, и очень похоже, что это перемещение вызвано некой угрозой. В прошлые века такое происходило во время нашествия богомоллов, когда их рои разрастались до таких размеров, что даже могучие копытные бежали от них. Наши собственные силы рассредоточены, Хаохань, и нам нужно подготовиться и начать сбор припасов для возможной войны. Нам хорошо известно о бедном урожае

этого года и о необходимости кормить народ долины и соседних земель. Но наше дело не терпит отлагательств. Пожалуйста, пришлите все, что можете, с этими почтенными стражами. Они проследят, чтобы все продукты, что ваша щедрость позволит выделить нам, прибыли в целостности и сохранности.

Это не были слова торговца.

Почтенными стражами. Эти путники приехали не торговать. Знак в нижней части свитка заставил Десятого затаить дыхание. Это был простой знак: круг с изгибающимися полосами по бокам и морда рычащего белого тигра.

Шадо-Пан!

Внезапно у моста началось какое-то оживление. Десятый резко развернулся, быстро записывая свиток под туннику. Йогу появился из воды, он кричал и показывал... показывал на Десятого.

— Вор! Моих славных хозяев ограбили! Вор! Вор!

Поначалу никто не понял, о чем говорит истеричный цзинь-юй. Кто-то смотрел на Десятого с подозрением, некоторые смеялись над Йогу, закатывая глаза над его пьяным бормотанием. Но большой пандарен, в которого врезался Десятый, ощупал карман, а затем сделал быстрый знак своим спутникам. Их плащи упали, явив взору оружие — мечи, копья и клинки опасно засверкали на солнце. Да уж, путники действительно кое-что скрывали под плащами. Десятый наполовину угадал.

Пора было бежать.

Чертыхнувшись, Десятый развернулся и помчался сквозь рынок.

Рынок, полный фермеров, рыбаков и торговцев фруктами... И кого я решил обокрасть? Отряд вооруженных убийц.

Мысли вихрем проносились в его голове, пока он пытался вспомнить то небольшое, что знал о Шадо-Пан. У него получилось уделить изучению истории

совсем мало времени. Шадо-Пан были элитными войсками, которые редко увидишь в этой спокойной долине. Десятый знал, что они охраняли стену на западе и защищали земли пандаренов от злобных созданий вроде богомоллов. Он слышал различные истории от других воров и босяков, обитавших в тех же закоулках, что и он сам. Истории рассказывали о Шадо-Пан и их умении пройти по лезвию меча, поймать стрелу в полете и ударить врага так, чтобы сердце разорвалось в его груди. Он слышал, что Шадо-Пан не прощают тех, кто выступил против них, и не забывают обиды.

Десятый на бегу поднял лапу и положил на сердце, чувствуя, как оно — пока еще целое — бешено стучит в груди. Свиток подпрыгивал на каждом шагу, костяные наворачия били по костлявой груди, как будто звали его преследователей.

Он уже слышал тяжелые шаги. Эти воины были быстрыми. Раздался свистящий звук, и Десятый пригнулся; в следующий миг в столб, поддерживающий торговый прилавок прямо перед ним, вонзилось копье. Торговец закричал и подкинул в воздух горшок с супом. Горячий бульон плеснул в лицо раздражительного хозена, который продавал кухонные принадлежности за соседним прилавком. Подпрыгивая от ярости, обезьяна швырнула черпак в Десятого, который увернулся от утвари-снаряда и огляделся в поисках пути к спасению.

Он увидел свое отражение в другом горшке на прилавке торговца супом. Двое Шадо-Пан быстро приближались с разных сторон... и повернуть было некуда.

Он и не стал. Десятый подпрыгнул, ставя одну лапу на древко копья Шадо-Пан, торчащего в столбе перед ним, и молясь, чтобы прочный бамбук выдержал его вес. Десятый съежился, когда древко согнулось, а затем резко распрямилось и швырнуло его через прилавок; двое Шадо-Пан ошарашенно моргали.

Это оружие сделал хороший мастер. По крайней мере, в одном я не ошибся: путники действительно богаты.

Он приземлился, перекатившись по траве за рынком. Со всех сторон раздавались крики; он все еще не оторвался от преследователей. Двое Шадо-Пан выскочили из-за прилавков. Акробатические трюки их явно не впечатлили. Вор знал, что сбежать от более сильного и быстрого пандарена в открытом поле ему не удастся. Нужно попробовать скрыться от них в городе. Снова выругавшись, он припустил вдоль края рынка в сторону деревни. Над его головой раздался крик ястреба.

Поселение было прямо на холме, и Шадо-Пан почти настигли Десятого, когда он добрался до таверны «Ленивая репа». Хозяйка таверны Лэй Лань вскрикнула, когда юный вор вломился в дверь, выбив у нее из рук поднос с выпивкой. Десятый поморщился при мысли о том, что хорошее пиво Буйных Портеров пропало из-за него зря, но исправить это уже никак не мог. Первый Шадо-Пан, спешивший за ним, поскользнулся на пене и налетел на хозяйку таверны, которая только начала подниматься. Второй преследователь перепрыгнул через своего товарища и погнался за Десятым в сторону кухни, громко рыча. Этот деревенский карманник уже явно доставил Шадо-Пан куда больше проблем, чем они ожидали.

Десятый влетел на кухню, так сильно испугав изготовителя специй Цзинь Цзяо, что тот выронил свою ношу и зашелся в негодовании. Десятый, не сбавляя хода, проскользнул между ног Цзинь Цзяо и помчался вверх по лестнице. Он слышал топот преследователя Шадо-Пан на кухне позади себя, возмущенные крики Цзинь Цзяо по поводу испорченных товаров и яростные ругательства в адрес толкающихся «разбойников и грубиянов». Десятый взобрался наверх по лестнице и помчался по коридору, толкая каждую дверь. Тут жили работники таверны, и, конечно же, они заперли свои комнаты. Десятый выругался, понимая, что не успеет взломать замок.

Последняя дверь была открыта, и, судя по запаху, именно здесь жил Дэн-Дэн, хозен, который обычно стоял за стойкой таверны. Он был неплохим парнем — для обезьяны — и куда более любезным, нежели его родич, который любил пошвыряться черпаками. Дэн-Дэн однажды обменял Десятому кружку пива Буйных Портеров на гранат (разумеется, украденный с повозки Ги), а Десятый

всегда ценил щедрость. Но его комната была вонючей дырой, больше похожей на свалку, чем на жилище. Грязная постель, груды зерен, бочка, полная фруктовых очисток и... кукла в виде хозена-девочки, сделанная из спутанных волос. Десятый поморщился и начал раскапывать мусор у дальней стены в поисках окна. Наконец лучик света коснулся его пальцев; получилось!

— Отойди от стены, вор!

Голос был злым, но уверенным. Десятый почти *почувствовал* копьё, нацеленное в спину. Подняв лапы и медленно повернувшись, он попытался выдавить улыбку. Двое Шадо-Пан стояли в дверях; к ним присоединился третий, с усов которого до сих пор капало пиво.

— Добрый день, уважаемые господа. Добро пожаловать в Полугорье. Я здесь искал лекарство для своей больной матери и...

— Молчать, недоросль! — проревел намокший воин, потрясая мечом. Он был вне себя из-за пива и того, что совсем негалантно налетел на милую хозяйку таверны. Десятый решил придержать язык за зубами.

Другой Шадо-Пан, тот, чье копьё помогло воришке сбежать на рынке, положил лапу на плечо рассерженного товарища. На его шее был красный шарф, и двое остальных расступились, давая ему пройти. Хоть пандарен и достал копьё из столба, Десятый нутром почуял, что этому воину не нужно оружие, чтобы убивать. Это было понятно по его уверенным движениям, шрамам на лапах и пристальному взгляду золотых глаз.

— Ты в опасном положении, маленький вор. Мой друг думает, что ты — шпион, который прибыл сюда, чтобы перехватить наше сообщение и доставить его нашим врагам. Я же предпочитаю думать, что ты просто глупец, и обычное преступление навлекло на тебя куда большую беду, чем ты рассчитывал.

Шадо-Пан шагнул вперед и протянул лапу.

— Быстрее, мастер ждет внизу. Отдай украденный свиток. Не делай резких движений, иначе Тао-Лун разрубит тебя надвое от кончика носа до хвоста. Послушаешься — и я гарантирую, что ты быстро попадешь в Совет земледельцев,

предстанешь перед судом и, скорее всего, будешь приговорен лишь к работам в зернохранилище.

Десятый вздохнул, медленно засунул лапу под тунику и вытащил свиток. Он начал было передавать его кивающему Шадо-Пан, но остановился.

— А... другие варианты есть?

Воин в красном шарфе нахмурился и заметно помрачнел.

— Конечно, ты можешь отказаться от проявленного мной милосердия и подтвердить подозрения Тао-Луна. Тогда мы *отнимем* у тебя свиток — и твою жизнь в придачу. Но не думай, что мы просто убьем тебя, вор. Когда Шадо-Пан забирает жизнь, это значит, что твоя жизнь становится его собственностью. Мы свяжем тебя, выколем глаза, отрежем ступни и все пальцы, кроме двух, чтобы ты мог есть сам. Затем тебя привяжут к скакуну и отвезут в наш монастырь на Вершине Кунь-Лай. Там тебя оставят на заледеневшем утесе ожидать Искателей Истины.

В этот момент облитый пивом Шадо-Пан, Тао-Лун, ухмыльнулся и слегка взмахнул мечом. Стало ясно, какой вариант он предпочитает.

— Искатели Истины Шадо-Пан дадут тебе понять, что выкалывание глаз было лишь первым и самым добрым из наших даров. Они выяснят, как ты был запятнан ша, что ты знаешь об их планах, и решат, вышвырнуть ли тебя на волю ветров каньона.

Глаза Десятого расширились, и он поднял свиток к лицу, словно пытаясь скрыть свой страх.

— Мне... мне этот вариант тоже не нравится.

Красный Шарф мрачно улыбнулся и снова протянул лапу. Десятый поднес свиток ко рту и улыбнулся в ответ.

— Думаю, я выберу третий вариант.

И затем дунул в свиток. Невыносимо жгучий перец, который воришка стянул у Цзиня Цзяо, красным облаком окутал лица пандаренов, столпившихся в

дверях. Комнатку заполнили крики удивления и боли. Послышался глухой удар, затем грохот, и внезапно комнату озарило солнце. Десятый исчез.

Шад-Пан не были склонны к панике, и через несколько секунд ругательств и неуклюжего топтания в жгучем тумане они выбрались из комнаты в коридор. На долю Красного Шарфа досталась основная часть порошка, его глаза были прикрыты болезненно-красными распухшими веками. Он попросил Тао-Луна подвести его к разбитому окну и описать, что тот видит.

Тао-Лун теперь был не столько разозлен, сколько раздосадован. Он подвел своего товарища к окну и, моргая слезящимися на свету глазами, описал сломанные бамбуковые шесты, устилающие скат крыши под дырой в окне. Примятые ветви дерева таолунь на краю, брешь в поломанных кустах внизу. А дальше была речка, неспешно текущая мимо деревни в сторону заболоченных земель. Тысячи мест, где можно скрыться. Вор исчез.

— Ничего, — прорычал Красный Шарф, вытирая нос. — Он исчез, но мы его найдем. А затем этот наглый воришка познает границы милосердия Шад-Пан.

Он шагнул обратно и обратился к своим спутникам.

— Наша добыча укрылась в землях за этим жалким холмом. Приспешник ша сбежал из наших лап, братья. Кто мы?

— Мы — лезвие ножи.

— Возможен ли отдых?

— Всегда вперед!

Они прошептали заветные слова с мрачной страстью и неоспоримой уверенностью. А затем, не произнеся ни слова больше, Шад-Пан спустились по лестнице, вышли из таверны и скрылись в толпе на рынке.

Сидя на выступе над окном, Десятый следил, как они уходят. Он прислонился спиной к соломенной крыше и задрожал. Их обманула бочка, которую он протолкнул в окно, и они не догадались проверить выступ. К чему

бы? Какой дурак сам бы загнал себя в ловушку на крыше, когда мог сбежать куда угодно?

Дурак слишком маленький, чтобы убежать далеко.

Он сбежал, да, но теперь за ним охотились жестокие воины, которым неведома усталость. Убежденность в их голосах пугала. *Сила*. Десятый никогда не встречал подобной уверенности. Помимо страха, он ощущал что-то еще.

Восхищение?

В небе снова раздался крик ястреба. Десятый покачал головой и шепотом ответил ему:

— Тебе повезло, дружище. Ты — охотник, ты *сам выбираешь* свой путь и знаешь, что будешь следовать ему до конца...

Десятого внезапно охватила тоска, и он не договорил. Подобной жизни такому вору, как он, никогда не видать.

— Птицу зовут Белоснежное Перо, — раздался глубокий, до странности знакомый голос. — Лучше быть охотником, чем добычей, малыш-вор. Но охотник, знающий, какво быть добычей, поймают ее быстрее.

Десятый резко развернулся, едва не оступившись на кровле. Одноглазый торговец — нет, тот самый одноглазый *Шадо-Пан* — сидел на крыше над ним, держа на коленях большое копье. Ястреб закричал снова, а затем спикировал вниз и устроился на широком плече пандарена. Десятый попытался заговорить, но не смог выдать из себя ни звука. Это копье... им можно легко разрубить маленького пандарена напополам. И держал его седой воин, который смог взобраться на крышу таверны со скоростью и бесшумностью вечернего бриза. Красный Шарф упомянул *мастера?*

Мне конец.

Мастер Шадо-Пан нахмурился.

— У тебя есть то, что принадлежит мне. Я хотел бы это вернуть.

Раскрыв рот, Десятый пошарил за пазухой и вытащил свиток. Он потряс его, пытаясь стряхнуть возможные остатки перца. Облачко красной пыли взвилось в воздухе, его тут же подхватил ветерок, который, к несчастью, дул в лицо Десятого. Пандарен издал жалкий писк и начал кашлять; глаза его наполнились слезами.

Чужеземец наклонился вперед и забрал свиток, спрятав его в просторных одеждах.

— Как тебя зовут, малыш-вор?

Проморгавшись, Десятый снова кашлянул.

— Меня зовут Десятый, господин.

— Как номер по порядку?

— Да, господин. Моему отцу надоело придумывать интересные имена после рождения пятого сына.

— Что ж, Десятый. Наказание за кражу у Шадо-Пан тебе уже в деталях расписал мой лейтенант. Он предложил тебе милосердный вариант, который ты, можно сказать, в прямом смысле швырнул ему в лицо.

Десятый не был уверен, обманывает ли его зрение, но ему показалось, что по губам мастера Шадо-Пан скользнула мимолетная улыбка.

— Я не настолько мягкосердечен, как Фэн, потому что пробыл на стене очень много лет. Когда сражаешься с ша, даже когда просто находишься рядом с ними... начинаешь жестче относиться к некоторым вещам. Даже к тем, за сохранение которых сражаешься.

Десятый не совсем понимал, о чем говорит этот могучий вооруженный копьем воин — и кто такие эти *ша*, — но благоразумно решил сидеть тихо и кивать. Он чувствовал, что жизнь его висит на волоске.

Мастер Шадо-Пан посмотрел на Десятого своим единственным глазом, словно что-то решая про себя. Десятый оробел под немигающим взглядом. Он покосился на копье — тяжелое копье с широким клинком, которое Шадо-Пан

держал как пушинку. Десятый вздрогнул, когда лапа воина сжала древко крепче. Он закрыл глаза, опуская голову.

— Я предлагаю тебе третий вариант, Десятый Перченый Свиток. И четвертый.

Десятый поднял взгляд, не совсем понимая, что происходит. Шадо-Пан встал и коснулся груди Десятого пальцем.

— Я могу проявить милосердие и убить тебя прямо здесь и сейчас — взамен наказания, которое тебе описал мой верный Фэн. Это будет быстро и безболезненно; ты и моргнуть не успеешь, как мой клинок пронзит твою шею.

И в тот же миг лезвие в локоть длиной, сияя холодным серебром, оказалось под подбородком Десятого. Спустя мгновение движение воздуха догнало молниеносный взмах копья. Десятый вздрогнул, поранившись при этом об острие копья; теплая липкая струйка крови медленно поползла по оружию, замершему у его горла. Шадо-Пан продолжил.

— Четвертый вариант — более жестокий. Тебе нужно будет пройти Испытание Алых Цветов.

Десятый вопросительно поднял брови, и Шадо-Пан со вздохом опустил копье.

— Пусть название тебя не обманывает. Каждый раз, когда семь времен года сменяют друг друга, на священных деревьях в нашем монастыре распускаются ярко-красные цветы. Это означает начало испытаний. Суровая и полная боли проверка, которую должны пройти все, кто желает вступить в наш орден. Во время испытания большинство претендентов погибает. И оно всегда приносит много страданий *всем*, кто впоследствии станет Шадо-Пан.

Воин убрал копье и спрятал его под плащом одним быстрым движением.

— Но, — сказал он, оглядывая долину, — если ты пройдешь испытание и станешь послушником Шадо-Пан, то наказание за кражу нашего послания будет отменено.

Десятый не мог поверить своим ушам. «Я — Шадо-Пан?» Он был никем. Вором. Недомерком. Десятым сыном почившего фермера. Он едва смог подобрать слова для ответа.

— Но как же я могу быть таким, как Фэн? Как... как *ты*?

Воин молча посмотрел на него.

— Ты быстр, Десятый. Быстры твои ноги, лапы и разум. Да, Шадо-Пан нужна сила, но ее можно развить. Наш враг быстр, и, хотя нам нужны воины, которые могут потягаться с ша в свирепости, также нам нужны и воины, которые могут увернуться от их атак, швырнуть перец им в глаза и пустить по ложному следу.

Десятый кивнул, не находя слов. Маленькая искорка надежды начала теплиться в тощей груди вора.

Смогу ли я?..

Могучий пандарен потянулся к поясу и вытащил кольцо. Оно было сделано из кости и было простым с виду, но в нем чувствовалась работа мастера; материал напомнил Десятому наконечники свитка. На кольце серебром был выгравирован символ ордена — рычащий тигр. Он сверкал подобно северному льду.

— Вижу, ты принял решение. Возьми это кольцо. Через три месяца ты должен появиться у главных ворот Монастыря Шадо-Пан. Кольцо сделано из клыка белого тигра. Оно позволит тебе беспрепятственно пройти сквозь ворота, но только твоя смекалка позволит добраться до них. Вершина Кунь-Лай таит много опасностей, особенно в холодное время года.

— Ты должен прийти один. Не бери оружие и доспехи; они тебе не помогут, — он потрогал тонкую ткань замызанной туники Десятого и нахмурился. — Хотя все же советую раздобыть теплую одежду.

Десятый молча кивнул, и Шадо-Пан выпустил ткань. Затем его голос стал жестче.

— Если не появишься до начала испытаний, то я буду считать, что ты отказался от моего предложения. Тогда Шадо-Пан лишат тебя жизни. И уверяю, Фэн очень сдержанно описывал наши методы. Ты понял все, что я сказал, Десятый?

Десятый не был в этом так уверен и не смог кивнуть еще раз. Его мускулы онемели. Воин воспринял молчание как знак согласия.

— Меня зовут Нужун, мастер У Као. Увидимся через три месяца, малыш-вор.

Мастер Нужун шепнул что-то Белоснежному Перу, и птица, шумно взмахивая крыльями, взмыла в вечернее небо. Десятый повернулся посмотреть, как ястреб летит на северо-восток к болотам, следуя за остальными воинами. Наконец, воришка обрел дар речи.

— Три месяца. Как я должен добраться до самой высокой горы в мире, не говоря уже о том, чтобы взобраться на нее, за три месяца?

Ему никто не ответил. Десятый оглянулся и увидел, что стоит на крыше один. Шадо-Пан исчез.

Во дворе раздался еще один удар гонга. Десятый попытался встать ровно на шатких досках моста и принять как можно более внушительный вид рядом с остальными претендентами. Не помогло.

Разумеется, он был самым мелким из десятка полных надежд юнцов, собравшихся под красными цветами, буйно пылающими среди зимних снегов. Даже простой паренек из деревни Бинан, Горбатый Ву, который был года на три младше него, возвышался над ним на целую голову и был одет в кирасу, *как настоящий воин*. Десятый покосился на Ву, тот зыркнул на него в ответ. Никого из претендентов не радовало, что придется соревноваться с оборванцем-

коротышкой вроде Десятого, словно само его участие в испытании было оскорблением.

Десятый насупился и уставился на свои ноги. Добраться сюда было само по себе уже испытанием, и он сомневался, что кто-нибудь из этих богатеньких переростков смог бы пережить такое путешествие. Взобраться по Пути Сотни Ступеней, проскользнуть мимо голодного саурока в Древнем проходе и, наконец, подняться по коварной и извилистой тропе, идущей по склонам Кунь-Лай... каждый миг опасаясь, что малейший порыв ветра снесет тебя с узкой дороги и швырнет на камни, маячащие далеко внизу. И это если сначала ты не зачоченеешь до смерти.

Плащ затрепетал на ветру, и Десятый посильнее натянул его на плечи. В Долине Четырех Ветров день считался холодным, если шел мелкий дождь и ветер не давал работать в открытом поле. По сравнению с этим холод здесь был просто смертельным. Десятый последовал совету мастера Нужуна и обменял свое ветхое одеяло и несколько добытых монет на дорожный плащ. Жалкий клочок заплатанной ткани спас ему жизнь, дав укрытие и тепло, и даже помог спрятаться среди тенистых уступов гор, пока мимо топали огромные йети. Широкополую шляпу, пахнущую гнилыми фруктами, ему подарил Дэн-Дэн в знак признательности за то, что Десятый никому не рассказал об ужасном беспорядке в его комнате (и о волосяной кукле). Это было незадолго до того, как Десятого выгнали из Полугорья. Шляпа укрывала его плечи от дождя и снега, служила тарелкой, когда удавалось найти еду, и, по словам Большого Чаня, делала Десятого похожим на старый засохший гриб.

Большой Чань был претендентом из торгового города Пэй-Лэй. Он был сыном богатого алхимика, тщеславным как павлин и громадным, как десяток Десятых. Он прибыл со свитой слуг-груммелей, которых не пустили за монастырские стены. Десятый вспомнил, как шел мимо маленького лагеря шелковых палаток уже на вершине и как от запаха жарящегося мяса у него неудержимо потекли слюнки.

Если бы у меня было побольше сил и если бы я так не замерз, я избавил бы лагерь от излишков продовольствия. Чаню эта еда ни к чему.

Претенденты зашикали и затихли. Обернувшись, Десятый увидел, что прибыли мастера. Они стояли на другой стороне моста, где роца для медитаций граничила с берегом замерзшего озера. Замерев, словно статуи, трое мастеров разглядывали дюжину полных надежд претендентов. Утреннее солнце пронизывало туман, окутывающий монастырь, и Десятый не мог сказать, есть ли среди тех троих мастер Нужун. Он хотел убедиться, что его появление заметили и у него не отнимут жизнь. Десятый прибыл в последний день трехмесячного срока, пробежав мимо воина Шадо-Пан, молчаливого охранявшего ворота. Тот кивнул, когда Десятый, едва переводя дух, показал ему кольцо.

Над их головами прокричал ястреб, и Десятый, прищурившись, взглянул вверх.

— Начинайте уже, — пробормотал Горбатый Ву себе под нос. — Цветы сильнее не покраснеют.

Десятый понял, что Ву ворчит, потому что нервничает. Все претенденты проявляли беспокойство: переступали с лапы на лапу, кусали губы. Даже Большой Чань рассеянно крутил на пухлом запястье золотой браслет — безвкусную штуквину, которая могла бы служить ожерельем любому пандарену нормальных размеров.

Какая славная вещица...

Один из мастеров шагнул вперед, и Десятый нахмурился. Это был не мастер Нужун, а мрачного вида дама с седыми волосами, зачесанными за уши. Мастер Шадо-Пан подняла одну лапу и заговорила; ее суровый голос раздался над заледеневшей гладью воды.

— Претенденты, я приветствую вас на Испытании Алых Цветов. Вы прибыли со всех концов страны, каждого из вас признал достойным кандидатом наш посланник. Так продолжается уже несчетное количество лет. Так будет всегда. Я — мастер Ялия Мудрый Шепот, моя задача — обучение Шадо-Пан основам мастерства. Я отвечаю за сохранение мудрости, знаний и священных традиций нашего ордена. Я имею честь приветствовать вас здесь и выражаю свое уважение за то, что вы не побоялись явиться сюда в назначенный день.

Испытание Алых Цветов состоит из трех: оно проверит вашу целеустремленность, силу и дух. Каждое испытание принесет смерть тем, кто не окажется достойным стоять под знаменами Шадо-Пан.

При последних словах подул ветер, быстро переросший в ледяной шквал, который налетел на монастырь с окружающих его горных вершин, подобно хищному зверю. Мост закачался, и красные лепестки взвились в воздух, словно капли крови; Десятый крепче ухватился за цепь, служащую перилами. Горбатый Ву увидел его страх и хохотнул. Мастер Мудрый Шепот продолжила:

— Сейчас у вас есть последняя возможность вернуться туда, откуда вы пришли. Если среди вас есть те, кто сомневается в том, что их место здесь, кого терзают дурные предчувствия, я предлагаю им сойти с Моста Посвящения и вернуться домой. В этом решении нет ничего недостойного, но вы больше никогда не сможете оказаться в этих стенах.

На мгновение воцарилась тишина, а затем кто-то откашлялся. Раздались негромкие извинения, а за ними — шорох движения, когда один... нет, двое пандаренов спустились с моста. Это были высокий дровосек с Южных островов и очень серьезная с виду девушка из Каменного Плуга. Оба уходили, стыдливо опустив голову. Десятый подумал, что хотел бы иметь возможность уйти вслед за ними.

Нет. Нет, я совсем не хочу этого.

Эта мысль, незваной гостьей промелькнувшая в голове, его удивила. Неужели он и в самом деле рад быть здесь, на жгучем морозе, и качаться над почти замерзшим озером?

Ну, не рад. Но... по крайней мере, все это похоже на шанс что-то совершить. Стать кем-то. Конечно, нельзя изменить время года, но я не упущу попутный ветер.

Порыв ледяного воздуха плотно прижал к его телу плащ, и Десятый вздрогнул.

Ну, образно говоря.

Мастер Мудрый Шепот подождала, пока двух пандаренов уведут за пределы двора, а затем продолжила.

— А теперь Испытание Алых Цветов начинается. Среди вас, претенденты, есть будущие Шадо-Пан. По крайней мере, мы на это надеемся. За прошедшие века число наших воинов уменьшилось, а враги осмелели. Из Храма Белого Тигра мы получаем мрачные предсказания в связи с тем, что туман вокруг Пандарии рассеивается. Несколько месяцев назад на наши берега прибыла новая опасность. Наши самые священные места были осаждены, осквернены и уничтожены. Мудрецы предвидят темные времена.

Десятый не понимал, что мастер Мудрый Шепот имела в виду под «новой опасностью». Очевидно, после того, как он покинул Долину Четырех Ветров, случилось что-то важное и наверняка опасное. Он вспомнил подслушанные по пути обрывки разговоров и слухи о неведомых животных и чужеземцах, но он был так сосредоточен на том, чтобы выжить в своем путешествии на север, что не предал особого внимания глупой болтовне взбудораженных путников. Теперь Десятый жалел, что слушал их не достаточно внимательно.

Мастер Мудрый Шепот сделала шаг вперед и подняла сжатую в кулак лапу.

— И все же мы — не армия, наспех сколоченная из обывателей, не готовых стать воинами. Мы — Шадо-Пан. Нас всегда было меньше, чем наших врагов, но каждый воин Шадо-Пан стоит дюжины обычных солдат. Поэтому мы уничтожили богомолв. Поэтому мы отбросили яунголов. Поэтому мы не даем ша распространять свое влияние. И так будет всегда.

Она указала на противоположный берег озера в сторону другой части монастыря. Там два прислужника Шадо-Пан в белых шарфах установили маленькую жаровню в виде тигра.

— Огненный тигр испытает вашу целеустремленность. В его брюхе среди углей спрятаны шесть серебряных монет с символом нашего ордена. Вам нужно будет засунуть лапу в пасть тигра, достать раскаленную монету и принести ее мне в рощу.

Десять оставшихся претендентов нервно переглянулись. Поджарая девчушка из Красаранга начала пробираться к краю моста, стараясь получить фору. В следующий миг дюжина лап схватила ее, и еще несколько пандаренов стали пытаться попасть на берег раньше остальных. Мост неудержимо закачался, и Десятый крепче ухватился за цепь.

Догонялки, проверяющие целеустремленность? Что-то она недоговаривает.

Мастер Мудрый Шепот повернулась, собираясь уйти; остальные два мастера уже направлялись к роще. Она бросила через плечо:

— Там всего шесть монет, а вас десять. Советую вам плыть побыстрее.

Плыть?

Раздался лязг, и крепление цепи, удерживающей половину моста, разошлось. Претенденты попадали в озеро, пробив во льду неровные дыры. Они вынырнули, отплеываясь, крича и ругаясь; кто-то завопил, что не умеет плавать. На несколько секунд воцарился пугающий хаос: кто-то запаниковал и начал хвататься за других, те начали яростно отбиваться и сыпать проклятиями, не желая, чтобы их утянули под ледяную воду. Те, кто был одет в нарядные доспехи, не выплыли. Самые быстрые скинули все тяжелое и рванули через озеро, рассекая воду быстрыми гребками. Они знали, что, если пробыть в ледяной воде чуть дольше положенного, гибель неминуема.

Десятый качался на оставшейся части мостовой цепи над их головами. То, что он нервно цеплялся за нее, позволило ему не упасть в воду вместе с остальными. Теперь он явно отставал. Он подтянулся, обхватил цепь ногами и гадал, сможет ли проползти по ней до роши и просто пробежать вокруг озера к жаровне.

Не думаю, что они дадут мне отделаться так легко.

Его страхи подтвердились, когда еще один послушник в белом шарфе подошел ко второму креплению и начал возиться с цепью. Очевидно, купание в озере было обязательным для всех будущих Шадо-Пан; но Десятый знал, что если

ледяная вода и не убьет его, то ветер, забравшийся под куцый мокрый плащ, — уж наверняка, даже если он пройдет это первое испытание. Ростом он невелик, да и в выносливости он явно уступает другим претендентам. Он не должен намокнуть.

Перебирая руками, Десятый добрался до места, где заканчивалась цепь, и начал опускаться по доскам, висевшим под ней. Мост был построен так, чтобы одна его сторона падала, а потом ее легко можно было прицепить обратно после окончания испытаний.

Умно, не приходится каждые семь сезонов строить новый мост.

К счастью или к несчастью, на сей раз семь времен года сменили друг друга, и как раз настал разгар зимы. Это означало, что лед, затянувший большую часть озера, был толстым.

Может, достаточно толстым, чтобы выдержать коротышку.

Послушник уже почти закончил с цепью, и Десятый почувствовал, как ее натяжение ослабевает. Он заметил льдину прямо под собой и начал дрыгать ногами, раскачивая мост туда-сюда, чтобы набрать разгон и...

Вторая цепь с лязгом начала падать, и Десятый отпустил ее в самой высокой точке амплитуды. Он пролетел по воздуху, растопырив руки, и приземлился на льдине с громким — и без плеска — стуком. На мгновение он замер, наострив уши, пытаясь уловить малейший звук трескающегося льда. Тихо.

Он огляделся в поисках другой льдины и увидел обломок, плавающий в нескольких метрах от него. Прыгнув на него, Десятый приземлился и чуть не соскользнул. Под действием импульса его тела льдина подплыла ближе к цели, но ему пришлось отчаянно замахать руками, чтобы удержаться. Льдины плавали по всей поверхности озера, но если двигаться так медленно и неуклюже, это явно приведет к неудаче: падению в воду и маленькой могилке в горах. Десятый понял, что нужно сделать.

Оттолкнувшись от льдины, он перепрыгнул на следующую, поменьше, и, не останавливаясь, чтобы восстановить равновесие, просто сгруппировался и снова взмыл в воздух по направлению к очередной льдине. И еще одной. Прыгая через озеро, точно камешек-голыш, Десятый вскоре обогнал пловцов и приблизился к дальнему берегу.

На краю озера из воды поднималось шесть цепей — двадцать метров подернутого инеем металла, уходящего вверх к каменистому уступу, на котором примостилась жаровня. Это будет непростым подъемом для любого, и уж тем более для промокшего пандарена с окоченевшими лапами. Это и в самом деле было испытанием целеустремленности.

К несчастью, льдины становились все мельче и были все дальше друг от друга. Ноги Десятого намокли от брызг, и он уже не чувствовал собственных пальцев. Но самым страшным было то, что на воде возле цепей вообще не было льда. Еще два прыжка, и он точно окажется в воде.

Нет, не так. Как на рынке. Поверху.

Десятый поднял руки и быстро развязал тесемки своей широкополой шляпы. Спрыгивая с последней льдины, он сорвал шляпу с головы, сгруппировался и швырнул ее в ледяную воду перед собой. Шляпа коснулась поверхности озера и закружилась, и почти тут же лапа Десятого коснулась ее. Увлекаемый вперед силой собственного прыжка, он проехался по воде, балансируя на шляпе на одной ноге. Она была достаточно большой, чтобы удержать его над поверхностью несколько секунд, а затем он прыгнул снова, на этот раз — на цепь, поднимающуюся из воды прямо перед ним.

Иногда быть засохшим грибом очень даже выгодно.

Десятый как можно быстрее взобрался по цепи. Малыша-пандарена взбодрил кросс через озеро, да и вещей у него почти не было. Он взобрался на край обрыва и устремился к своей тлеющей цели.

Жаровня была сделана очень искусно: рычащий тигр был составлен из изогнутых железных прутьев, которые выступали черными полосами на фоне желто-красного мерцания углей. Стиснув зубы, Десятый сунул лапу в широко

раскрытую пасть тигра, быстро выудил раскаленную добела монету и громко зашипел. Будучи вором, он научился быстро вытаскивать монеты отовсюду, и потому отделался лишь парой волдырей, дымящимся мехом и обожженными кончиками пальцев. Перекидывая сияющую монету из лапы в лапу, он кое-как донес ее до ближайшего сугроба и со вздохом окунул лапы в хрустящий белый снег.

Впервые в жизни я радуюсь снегу!

Десятый резко развернулся, когда позади него забренчала цепь; прибыл следующий участник. Девушка из Красаранга появилась наверху и упала рядом с жаровней; ее колотила дрожь. Она озадаченно взглянула на Десятого, а затем сжалась в дрожащий комочек.

— К-к-как х-х-холод-д-дно! — простонала она охрипшим низким голосом.

Десятый взглянул на обрыв. Еще три цепи затряслись, обозначая появление других участников. Пора было уходить. Быстрее всего было проплыть обратно через озеро, но Десятый отбросил эту мысль. Шляпа пропала, ступни совсем замерзли, и он уже достаточно подразнил духов льда на сегодня. Он решил оббежать озеро кругом.

Десятый добрался до роци без происшествий и нашел мастера Мудрый Шепот; она спокойно сидела в центре под навесом. Если она и удивилась, увидев, что первым прибыл претендент-малыш, да еще и сухой, то никак не показала этого. Мастер Мудрый Шепот просто протянула лапу и кивнула, когда Десятый уронил монету ей на ладонь. Затем она молча указала на угол павильона, в котором ему следовало подождать.

Следующей появилась не девушка из Красаранга, а дюжий длинноволосый парень, которого Десятый до этого не замечал. С него все еще текла вода, а его правая лапа дымилась после встречи с пастью тигра. Было заметно, что парень слишком возился, откапывая монету; вокруг запястья шерсть обгорела полностью, а на лапах были болезненные с виду ожоги.

Несмотря на это, парень справился и молча занял место рядом с Десятым. Малыш-вор подумал, что лицо его соперника определенно выражает

целеустремленность. Именно так встречал боль настоящий воин, и Десятый ощутил восхищение перед пареньком.

Он прошел испытание. Я же лишь нашел способ обойти условия.

Теперь прежняя радость от победы потеряла свою силу. Он до сих пор был всего лишь вором.

Девушка из Красаранга пришла следом, стуча зубами от холода. Десятый с трудом мог представить, насколько непривычной и колючей может показаться ледяная вода тому, кто привык к жаркому зною южных джунглей. Однако ее лапа выглядела лучше, чем у другого претендента. Видимо, для выживания в джунглях нужно иметь ловкие лапы.

Послышалось рычание, оглушительный чих, и Большой Чань ввалился в рощу. Огромный пандарен не просто промок насквозь. Он скинул свой роскошный плащ в озеро, но остальная его одежда хлюпала и чавкала, и с нее стекали широкие потоки ледяной воды. Она капала с его носа, подбородка, живота и быстро собралась лужей вокруг широких лап, когда он подошел к мастеру Мудрый Шепот. Он был мокрым настолько, что Десятый подумал: а не плыл ли Большой Чань *и обратно* от жаровни вместо того, чтобы обежать озеро кругом, как все остальные? И снова мастер Мудрый Шепот молча протянула лапу.

Большой Чань поднял лапу, и только тогда Десятый заметил то, чего до сих пор не видел из своего угла: лапа Чаня была закована в металл. Полоски металла, складывающиеся в фигуру тигра.

Огромный пандарен задрожал, а затем поклонился Шадо-Пан.

— Я не смог вытащить лапу из тигра, пока сжимал монету, мастер. Пасть тигра была слишком маленькой и довольно горячей... — Большой Чань прямо взглянул на мастера Мудрый Шепот. — Поэтому я взял жаровню и прыгнул обратно в озеро.

Он снова чихнул, и от мощного звука роща вздрогнула. На землю снова полетели красные лепестки, и Десятый увидел, что остальные претенденты выпучили глаза на Чаня.

Он и правда проплыл в обе стороны. И вторую половину пути он тащил железного тигра.

Большой Чань поднял руку и затем с размаху ударил жаровней по камням мостовой. Металл, ставший хрупким из-за погружения в ледяную воду, треснул и разломился. Чань опустил три монеты в лапу мастера Мудрый Шепот.

— За мной больше никого нет.

Десятому стало любопытно, сколько из них утонули, замерзли или просто сдались, когда Чань забрал жаровню.

Мастер Мудрый Шепот встала и поманила претендентов за собой. Все старались держаться подальше от Большого Чаня, когда он захлюпал за ней, пытаясь выжать воду из одежды. Он снова чихнул, а затем увидел Десятого, который шел за ним, перепрыгивая через лужи.

— Неплохо, коротышка. Посмотрим, помогут ли маневры со шляпой пройти испытание силы.

Длинноволосый парень засмеялся, но Десятый просто пожал плечами. Он прошел мимо Большого Чаня и дружески похлопал его по плечу.

— Жаль, у нас нет испытания влагой. Ты утащил добрую половину озера в своих огромных штанах.

Большой Чань зарычал и замахнулся на малыша-пандарена, который, впрочем, ожидал такой реакции и легко увернулся. Теперь девчонка из Красаранга тоже смеялась, и Десятый картинно стряхнул воду со своего кулака. Здоровяк-пандарен нахмурился и снова чихнул. Даже огромный защитный слой его жира не выдержал столь тщательной проверки ледяной водой.

Мастер Мудрый Шепот провела четверых претендентов через массивные двери в зал для тренировок. Внутри оказалась простая арена, окруженная каменными колоннами. Десятый нутром почувствовал историю этого места: века тренировок и обучения, казалось, пропитали собой воздух. Мастер Шадо-Пан кивнула в знак прощания и тихо вернулась в рошу, оставив юных пандаренов,

которые стали нервно оглядывать зал и гадать, в чем будет заключаться следующее испытание.

Десятый заметил кое-что любопытное. В самом центре арены находились три массивных колокола. На древних колоколах — они были высотой с взрослого пандарена и шириной с Большого Чаня — виднелись выгравированные магические слова. Десятый подошел ближе, надеясь, что в этом испытании от него не потребуются *тащить* куда-нибудь одну из этих штуквин.

Позади претендентов раздался низкий голос.

— Все вы показали истинную целеустремленность, достойную Шадо-Пан. Теперь я хочу, чтобы вы показали мне свою истинную силу.

Десятый повернулся — и забыл, как дышать. В дверях стоял самый большой воин-пандарен из всех, кого он когда-либо видел. Он на добрых три головы возвышался над Большим Чанем и был куда шире в плечах, но это была гора мускул, а отнюдь не жира. Его мех был почти чисто-белым, его глаза оглядывали претендентов со скоростью хищника, отмечая сильные и слабые стороны.

Десятый вздрогнул, ощутив, будто стоит перед едва сдерживаемой лавиной смертоносной воинской силы.

— Я — мастер Ван Снежный Вихрь, обучающий Черных Стражей. Воины Шадо-Пан должны держать ответ передо мной, а я — перед повелителем Тажанем Чжу. Я знаю каждого воина, несущего дозор на наших стенах, и с каждым из них скрестил клинок. Если вы переживете испытания и станете Шадо-Пан, то когда-нибудь вы сразитесь со мной, поскольку нельзя узнать кого-то по-настоящему, пока не вступишь с ним в бой.

Сказав это, мастер Снежный Вихрь сжал мощный кулак, и хруст костяшек раздался в додзе подобно грому булыжников. Десятый поморщился.

— Впрочем, это произойдет не сегодня. Вы молоды и не обучены. Претендент — это еще не оружие, а лишь заготовка, которая ждет в кузнице. Здесь металл показывает свою силу до того, как стать острым клинком.

Он подошел к трем колоколам, и тихие шаги мастера напомнили Десятому о крадущемся тигре.

— Вы стоите перед священными артефактами, реликвиями, созданными много веков назад из сплава металла и магии, чтобы противостоять разрушительной силе времени. Каждый был настроен так, чтобы издавать одну идеальную ноту, когда в него звонят.

Он постучал костяшками пальцев по ближайшему колоколу, и тот отозвался глухим звоном.

— Славно, правда? — мастер Снежный Вихрь улыбнулся. — Колокола не запоют, пока их не оторвут от земли и не ударят в них как следует. В этом часть их магии.

Десятый нахмурился. Поднятие гигантских колоколов явно было не в его репертуаре... и что за звук послышался ему изнутри колокола? Шипение?

Мастер Снежный Вихрь продолжил:

— Под каждым из колоколов таится разная смерть, претенденты. Смерть крадущая, смерть скрытная и смерть спасающая. Я буду ждать в роще до тех пор, пока не прозвонят все три колокола, и затем вернусь. Тот, у кого хватит сил выжить, перейдет к последнему испытанию.

Большой Чань чихнул, и мастер Шадо-Пан перевел взгляд на мокрого претендента.

— Сейчас выдались особенно холодные дни, и я знаю, что все вы устали. Давайте же начнем.

Одним отлаженным движением мастер Снежный Вихрь развернулся и ударил ногой колокол позади себя. Тот пролетел через зал и врезался в колонну на другой стороне арены. Колонна треснула, каменная крошка дождем посыпалась на землю. Колокол, ни капли не поцарапавшись, покатился по полу.

Мастер Снежный Вихрь прошел к дверям. Претенденты в молчаливом восхищении смотрели ему вслед.

— Я не жду, что вы будете сражаться, как тигры, — сказал он напоследок.
— Но я жду, что вы будете сражаться.

Двери захлопнулись. Щелкнул замок.

— Смотрите! — вдруг закричал длинноволосый паренек. В его голосе был ужас.

Десятый повернулся и ахнул. Там, где раньше лежал колокол, свернулась клубком гигантская змея. Она подняла голову и начала подниматься во весь свой огромный рост.

— Бамбуковый питон! — закричала девушка. — Назад! Он атаку...

Питон ударил, точно зеленая молния. Сбив длинноволосого паренька на землю, он запустил клыки ему в плечо. Тот закричал, пытаясь ударить тварь по чешуйчатой голове, но она держала его стальной хваткой, обвивая мощными кольцами. Трое остальных попятились назад, оглядываясь в поисках укрытия подалее от змеи. Как четверо безоружных и необученных юнцов должны сразить такую смертоносную тварь?

Красарангская девушка ругалась вполголоса, Десятый слышал ее злой шепот.

— Я знаю, как убивать этих гадов. Если бы только у меня было копьё. Почему они не позволили мне взять копьё? Я бы помогла ему!

Смерть спасающая.

— Большой Чань! — закричал Десятый. — Я думаю, что под одним из колоколов оружие! Скорей, загляни под них!

Верзила-пандарен посмотрел на Десятого как на сумасшедшего.

— Отличная попытка, коротышка. Думаешь, я пойду туда?

Он указал на оставшиеся два колокола прямо за змеей и ее жертвой. Тварь легко смогла бы туда дотянуться.

— И вообще, — закричал Большой Чань, — с чего ты взял, что там оружие?! Может, там еще больше змей!

Длинноволосый перестал сопротивляться. Змея сжала его в своих смертоносных объятиях еще раз, а затем развернулась и поднялась во всю длину. Она была покрыта изумрудной чешуей, а глаза у нее были черными и холодными. С длинных клыков на каменный пол капала кровь и мерзкая слизь. Десятый взглянул на мертвого парня на земле и заметил две круглые раны на его плече. Они были огромными.

Смерть крадущая— яд или какие-то вредные испарения с болот. Такая смерть проникает в тело сквозь маленькие двери и уходит вместе с душой.

Еще один вор.

Змея начала двигаться в сторону красарангской девушки. Та отбежала до дальней стены арены, но больше деваться ей было некуда.

Десятый знал, что не сможет пройти это испытание, если остальные умрут. Он не сумеет поднять колокол в одиночку. Странно было осознавать: они были ему *нужны*.

— Чань, тебе придется мне довериться, иначе мы все погибнем. Питон — это *смерть крадущая*. Под одним из колоколов — *смерть спасающая*. Думаю, это означает оружие, несущее смерть. С его помощью мы сможем спасти свои жизни.

Десятый сжал кулаки и побежал к чудищу, размахивая руками. Тварь зашипела и развернулась, забыв про девушку.

— Я отвлеку змею и уведу ее от колоколов! — крикнул он. — Постучите по ним и послушайте, что внутри.

Питон заскользил за Десятым — пришлось развернуться и бежать. Может, ему удастся петлять среди колонн? Глянув назад, он увидел, что Большой Чань и девушка уже бегут к колоколам, а тварь преследует его.

Змея оказалась быстрее, чем он ожидал, и Десятый понял, что не успеет вовремя добраться до колонн. Колокол, который откинул мастер Снежный Вихрь,

лежал на боку прямо перед ним, и малыш-вор нырнул за бронзовую громаду за мгновение до того, как челюсти щелкнули возле его пяток.

Десятый резко развернулся и оказался лицом к питону. Тот нависал над ним, и теперь укрытие за колоколом показалось юному пандарену весьма жалким. Змея атаковала снова, и Десятый еле увернулся от этой клыкастой чешуйчатой бестии. Краем глаза он видел, как Большой Чань стучит по колоколу, а девчушка из джунглей с напряженным выражением лица прижимает к уху к его металлической поверхности.

И тут Десятый понял главный недостаток своего плана: он помогал вооружиться двум своим противникам, так что они могут решить подождать, пока питон с ним разберется, а затем, уже избавившись от одного соперника, прикончить змею.

Большой Чань оглянулся, улыбнулся Десятому и помахал ему на прощание. Затем он обхватил один из колоколов и начал поднимать его.

Десятый скрипнул зубами, но решил, что не может винить остальных претендентов: целью испытания было выжить, а не обрести новых друзей. Но будь он проклят, если даст им стать Шадо-Пан через его тощий труп!

Он подбежал к широкой части колокола, оказавшись прямо перед гигантской змеей. Она отшатнулась, удивившись столь наглому маневру, и зло зашипела.

Будучи вором, Десятый научился искать в поведении своих жертв признаки, какое-то выражение, жест или движение, которое означало, что цель собирается атаковать. Этот урок бесчисленное количество раз спасал ему жизнь на улицах города.

У питона был такой признак. Десятый видел, как тварь напала на длинноволосого, а потом и на него самого. Она стремительно показывала жало прямо перед ударом, пробуя на вкус страх жертвы перед самым убийством. Сгруппировавшись, Десятый следил за гипнотизирующим покачиванием змеи, ожидая, когда мелькнет жало... и вот!

Пандарен высоко подпрыгнул ровно тогда, когда питон атаковал. К несчастью для чудища, там, где только что был Десятый, находилось устье древнего колокола, и голова питона с размаху ударила в тяжелую бронзу — раздался чистый и мелодичный звук.

Первый есть.

Десятый приземлился на спину твари и скатился с нее, уворачиваясь от бешено пляшущих колец, пока змея пыталась вытащить голову из колокола.

Он подбежал к двум оставшимся претендентам, как раз когда девушка вытащила копьё из-под колокола и отрывисто рассмеялась. Десятый присел, чтобы посмотреть, что еще было под колоколом — там определенно была *смерть спасающая!* Груда простого оружия аккуратно лежала на полу: меч, палица, топор и кинжал. Десятый поспешно вытащил все из-под наклоненного колокола, прихватив кинжал для себя. Он ударил тяжелой рукоятью по колоколу изо всех своих сил. По залу разнесся чистый звук.

Второй есть.

Большой Чань ругался и требовал, чтобы они достали оружие и для него, потому что он не мог больше держать.

— Возьми, — сказал Десятый и подтолкнул к нему топор.

— Как раз вовремя, — выдавил Чань, тяжело дыша от натуги. —
Поберегись!

С этими словами он отпустил колокол. Тот упал со свистом и тяжелым лязгом.

Большой Чань улыбнулся и поднял топор. Девушка из Красаранга улыбнулась в ответ, взвешивая копьё в руке.

— Вот *этого* я ждал, — сказал Большой Чань. — Покажем этой твари смерть, которую приносим мы.

Из-под колокола раздался приглушенный голос.

— Удачи вам обоим!

Большой Чань замер на месте, и улыбка сползла с его лица.

— А где коротышка?

Девушка из Красаранга пожала плечами.

— Есть только одно место, — сказала она.

Большой Чань постучал по гладкой, непроницаемой и очень прочной поверхности колокола.

— Тысяча проклятий на твой дом, презренный коротышка! У тебя стыда нет? Что ты за трус такой?!

— Я все еще живой трус, Большой Чань. Слушайте: питон скоро выберется из колокола. Он быстрее, чем кажется. Следите за его жалом — змей высовывает его перед тем, как напасть.

Десятый прислонился к прохладному колоколу, слушая, как двое претендентов переругиваются, решая, что делать с воришкой. В итоге змея решила за них. Он услышал вопли, смешки и злое шипение. Крик, рычание.

Как же хорошо, что меня там нет.

Он верил, что теперь, когда они вооружены, смекалки девчонки из джунглей вместе с силой Большого Чаня хватит, чтобы одолеть эту тварь. Снова послышались крики и еще шипение. Он услышал, как что-то шлепнулось на землю, и наступила долгая тишина. Затем по колоколу забарабанили пальцами.

— Питон? Это ты? — отозвался Десятый.

Голос Большого Чаня был усталым и очень злым.

— Змея разбросана кусками по всему залу, коротышка. Теперь мы с Пэй-Линь собираемся перевернуть третий колокол, закончить испытание и оставить тебя гнить внутри этой металлической тюрьмы. Или кто знает? Может, я вернусь сюда, когда стану Шадо-Пан, и засуну к тебе еще одну змею.

Тэнь слышал, как красарангская девушка (очевидно, ее звали Пэй-Линь) рассмеялась над этой идеей.

Прекрасно. Я дал им оружие и спас им жизнь, и этим заслужил их ненависть.

К такому он давно привык. Так было с его отцом, братьями, даже другими карманниками на улицах. С чего бы ему ожидать чего-то большего от этих ребят?

Нельзя сменить времена года.

Десятый постучал по колоколу.

— Большой Чань, проверь запястье. Кажется, ты кое-что обронил.

Несколько мгновений все было тихо, а затем раздался яростный вопль.

— Вор! Выродок! Хозенолюб-корнеед!

Оскорбления в его адрес продолжались довольно долго, а затем послышался еще один глухой стук. Это Большой Чань привалился к колоколу.

— Этот браслет подарила мне мать, ты, мерзкая жаба. Выползай оттуда и верни его мне.

Под звуки кряхтения и чихания колокол начал подниматься. Десятый выкатился из-под него и уперся спиной в третий колокол. Пэй-Линь сидела на земле, счищая кровь с копья. Она взглянула на Десятого и насмешливо отсалютовала ему, а затем снова вернулась к своему оружию. Десятый был озадачен ее поступком. Он никогда такого не удостаивался — даже в шутку.

Знак уважения.

Большой Чань уронил колокол и повернулся, пыхтя и дрожа так сильно, что едва мог поднять топор. Его ранило в бою, одна штанина была порвана и вся в крови, словно здоровяка хорошенько протащили по каменному полу. Рана, купание в ледяной воде и многократные подъемы колокола сказались на претенденте, и он начал сильно сдавать. Но ярость придала Большому Чаню сил.

— Верни браслет, коротышка, — пропыхтел он. Он ударил топором по колоколу, который только что уронил, и Десятый съежился, когда от неловкого удара полетели искры.

— Успокойся, Чань. Вот твоя побрякушка...

— Отдай сейчас же!

От крика Чаня земля задрожала; волна прокатилась от третьего колокола и сбила его с ног. Думая, что это был какой-то трюк Десятого, он зарычал и поднялся на колени.

— Грязный недомерок. Никто не смеет красть у Большого Чаня!

Пэй-Линь закричала, указывая на колокол. Только это, наконец, привлекло внимание Чаня, и он обернулся в недоумении.

Колокол трясся. Он накренился на один бок, затем на другой. Послышался звук столкновения, корежащегося металла, рычание и бульканье...

За этим последовал оглушительный треск. Третий и последний колокол треснул посередине, и вся древняя магия, которая держала его в целостности и сохранности столько веков, разлетелась вибрирующими вихрями светящейся энергии, когда черный коготь пробил толстую бронзу. Две половинки колокола упали на землю с коротким звяканьем, явив миру колышущееся облако дыма и черного пламени.

Нет, это живое существо. Чудовище.

Оно было словно соткано из кошмаров... тьма, обретшая плоть. Десятый присмотрелся и содрогнулся. Кошмарная тварь склонилась над трупом тигра, и Десятый понял: что-то пошло не так.

Нашим врагом должен был быть тигр. Смерть скрытная, охотник, который нападает из засады. Не эта тварь.

Он вспомнил, что мастер Нужун говорил о враге, про которого Десятый никогда не слышал раньше — о ша. Что же сказал Шадо-Пан?

«Когда просто находишься рядом с ними... начинаешь жестче относиться к некоторым вещам».

Он подполз к Большому Чаню и Пэй-Линь и попытался оттолкнуть их от этого ша. Оба застыли от ужаса, и Десятый увидел, что существо росло вместе с их страхом. Теперь оно пульсировало, двигаясь в унисон с испуганным дыханием претендентов. Ша уже был больше, чем они трое вместе взятые, и выпускал все новые когти и щупальца каждую секунду. Питаясь их страхом, монстр не спешил нападать. Десятый знал, что это долго не продлится.

— Посмотрите на меня! Оба!

Они взглянули на него полными ужаса глазами. Их учили сражаться, да, но никогда раньше они не сталкивались с врагом, настолько исполненным тьмы. Одно дело — уметь сражаться. Совсем другое — заглянуть страху в глаза.

Десятый знал, что такое страх. Он вытащил кинжал и показал его остальным.

— Слушайте! Мы не испуганные дети. Мы — Шадо-Пан. Мы пробрались через замерзшее озеро, мы добыли раскаленные монеты и мы сразили смерть крадущую. Это наше испытание, наша возможность доказать, что мы чего-то стоим, и вступить в ряды тех, кто сражается с тьмой. Мы сможем это сделать.

Остальные кивнули, черпая мужество в словах Десятого. Он залез лапой под тунуку и вытащил золотой браслет.

— Вот, мне жаль, что я украл его у тебя, Чань. Я разжег гнев, который накормил эту тварь.

Большой Чань глянул через плечо Десятого и замер со странным выражением на лице.

— Монстр. Он стал меньше, когда ты извинился.

Словно бы в ответ ша взревел и начал ползти к ним по полу арены. Десятый скривился.

Ой. Может, это была не такая уж удачная идея.

Воришка помог претендентам подняться, и они подались прочь от ша. Десятый коротко шепнул что-то Пэй-Линь, и она снова отсалютовала ему, а затем скользнула в сторону, обходя монстра сбоку. Он зарычал, когда его добыча разделилась, но решил не отвлекаться от двух пандаренов перед собой.

Отступая, Десятый снял с себя сухой плащ и протянул Большому Чаню, который все еще был мокрым после недавнего плавания.

— Думаю, мне лучше отдать тебе и это. Перевяжи ногу, чтобы остановить кровь.

Большой Чань чуть помедлил, затем протянул широкую лапу. Пожатие здоровяка было слабым и вялым.

— Я... я сейчас испуган до полусмерти, коротышка. Эта дрянь — кошмар во плоти. Но я уверен, что ты обязательно придумаешь, как его одолеть — так же, как проскакал по озеру, точно проклятый камешек. Оставь браслет себе; даже моя мать сказала бы, что ты его заслужил.

Десятый вернул браслет под тунуку, а затем изо всех сил сжал лапу Чаня.

— Держи свой страх под контролем. Двигайся вокруг монстра, когда я подойду к нему. Не нападай.

Десятый отпустил лапу Чаня и повернулся лицом к ша.

— Кстати, меня зовут Десятый.

Мрачно улыбнувшись, Большой Чань перевязал ногу плащом и отошел в сторону. Монстр зарычал и двинулся за пандареном покрупнее, поэтому Десятый заторопился и побежал навстречу ша, решительно сжав кинжал. Монстр развернулся к нему всеми своими когтями и щупальцами. Малыш-вор спокойно взглянул на чудище — ну или он надеялся, что выглядел спокойным.

— Тебе здесь не место, монстр.

Ша подполз ближе, занося темные щупальца для удара.

— Этот монастырь — место медитации и сосредоточенности. Твое вторжение на эти земли противоречит...

Взревев, ша напал на Десятого; в воздух со свистом, точно чудовищные кнуты, взвилась пара щупалец толщиной в руку. Даже Десятый не смог увернуться от них и от удара покатился по полу.

Ладно, это действительно было больно.

Десятый неловко поднялся на ноги. Одно ребро было сломано, изо рта текла струйка крови. Он сумел удержать кинжал и попытался замахнуться им, когда ша пополз к нему.

— Я был сиротой с семи лет. Я спал в сточных трубах и бился со стаями гнусиней за еду, просто чтобы выжить. Я прятался в переулках от дождя по ночам вместе с ворами и убийцами.

Ша заревел и ударил снова. И снова Десятый покатился по арене; его кинжал зазвенел по каменному полу. Еще одно ребро сломано. Сможет ли он встать? Он должен. Со стоном Десятый кое-как поднялся на ноги. Половина лица у него была в крови.

— Думаешь, меня никогда не били, монстр? Только в прошлом сезоне меня отхлестал кнутом мясник за то, что я украл его мусор, и кузнец — за то, что я грелся в его кузне.

Толстое щупальце метнулось к нему и сжало в удушающей хватке. Ша притянул Десятого к зубастой пасти. Кинжал выпал, и пандарен зашарил в тунике свободной лапой. Браслет Большого Чаня был холодным и прочным.

— Всю жизнь мне грозили боль, голод и смерть, — рявкнул вор. — Я тебя не боюсь.

Десятый резко замахнулся, и большой золотой браслет Чаня просвистел в воздухе. Один из светящихся глаз твари лопнул, издав мерзкий звук. Ша завизжал и, отшатнувшись, уронил свою добычу, размахивая щупальцами от боли. Десятый поднялся на колени, кашляя кровью. Ша теперь был ростом чуть больше него самого.

— Давай, Пэй-Линь! — закричал он, надеясь, что его голос перекроет вой монстра. Девушка выскочила из тени с копьем наперевес. Она пронзила им ша и, используя силу разгона, направила извивающуюся тварь от Десятого к Большому Чаню, который ждал возле первого колокола.

— Колокол, Чань! — закричал Десятый, пытаясь встать на ноги. Он молился, чтобы у здоровяка еще остались силы для последнего рывка.

Большой Чань кивнул, уже догадавшись о плане Десятого. Он присел и обхватил колокол руками. С могучим ревом он поднял его в воздух.

Не сбавляя скорости, Пэй-Линь направила дергающегося ша в сторону Большого Чаня. Чудовище обезумело от боли: оно в яростном исступлении молотило щупальцами и когтями по сторонам. Один удар пришелся по девушке, и ее плечи и руки обагрились кровью.

Девушка издала боевой клич и швырнула копье — а вместе с ним и ша — прямо в колокол. Большой Чань извернулся, отступая от удара, и зарычав, отпустил колокол. От удара пол треснул под его весом.

Колокол затрясся, когда придавленные его краями щупальца начали бешено извиваться. Большой Чань сорвал топор с пояса и с мрачной решимостью начал их обрубать. Пэй-Линь пришла ему на помощь, придерживая щупальца ногой, пока топор со свистом вонзался в землю.

Десятый доковылял до них, зажимая бок.

— Это должно удержать чудовище, пока мы сохраняем контроль над своими эмоциями.

Пэй-Линь резко рассмеялась.

— Думаю, — сказала она, — этого не потребуется.

Десятый и Большой Чань посмотрели вниз. Колокол затих. Темная жидкость забурлила и, дымясь, утекла сквозь трещины в полу. Десятый вытер с разбитой брови кровь, которая стекала в глаза и мешала видеть.

— Давайте попробуем позвонить кусками третьего колокола. Сдается мне, мы прошли испытание силы.

На террасе с прекрасным видом на заледеневшее озеро мастер Мудрый Шепот и мастер Снежный Вихрь о чем-то тихонько спорили, при этом сохраняя на лицах выражение вселенского покоя. Так, наверное, принято вести дискуссию среди Шадо-Пан, решил Десятый. После боя с ша такое поведение казалось вполне разумным. Воришка подался вперед и напряг слух, чтобы расслышать, о чем говорят мудрецы, но их слова заглушил свист холодного ветра. Ребра еще полностью не срослись, и двигаться было больно. Десятый поморщился и подобрал под себя ноги.

После того, как в стенах монастыря обнаружили ша, в обители поднялась тревога. Претендентов неоднократно расспрашивали обо всем, что произошло на арене. Шадо-Пан отрядили своих лучших агентов для проведения расследования. Пока Десятый приходил в себя в лазарете, он подслушал, что тигр из-под третьего колокола якобы был даром от деревни под названием Убежище Огненной Ветви, но сами жители деревни ни о каком подарке не слышали. Еще Десятый слышал пересуды служителей между собой: те шепотом говорили о происках богомоллов и даже заговоре могу. Так или иначе, кто-то попытался сорвать Испытание Алых Цветов и осквернить священную традицию Шадо-Пан. Десятый рассудил, что все могло бы сложиться гораздо хуже. Если бы ша убил претендентов, то смог бы спрятаться в монастыре и тайно осквернять умы и души Шадо-Пан там, где они уязвимее всего. Никто бы ничего не заподозрил; в конце концов, ни одно испытание не обходится без жертв.

В общем, Десятый, Пэй-Линь и Большой Чань стали героями.

Десятый окинул взглядом Пэй-Линь, сидящую рядом с ним на коленях. На ней были одежды служителя, а светлый шарф гармонично сочетался с белоснежным мехом, обрамлявшим уши. Красарангская девушка улыбнулась и кивнула гиганту рядом. Большой Чань тоже носил облачение служителя, вот только шарфом ему служил старый грязный полинявший плащ. Воришка закатил глаза. По всей видимости, Большой Чань решил носить на шее плащ Десятого в знак уважения, как сделал бы истинный Шадо-Пан.

Если мы, конечно, на самом деле Шадо-Пан.

Именно по этой причине славную троицу и позвали сюда. Судя по всему, мудрецы не могли решить, достойны ли они занять место в ордене. После продолжительной беседы и уймы вопросов мастер Снежный Вихрь навестил отдохавших в лазарете Десятого, Чаня и Пэй-Линь. Он очень хвалил их, ведь эти трое прошли такое испытание, какому мастер не подверг бы даже самых опытных учеников. Он сказал, что проявленная ими сила наполнила его сердце гордостью и что доказывать ордену им больше ничего не нужно. Как только они восстановят силы, им разрешат приступить к обучению в додзе. Из-за спины мастера показались два укутанных в шарфы служителя и с поклоном вручили претендентам их новые одеяния.

На следующий день мастер Мудрый Шепот привела с собой других служителей. Она похвалила новобранцев за проявленную храбрость, но строго заметила, что по традиции нужно пройти *три* испытания, так что Испытание Алых Цветов не было проведено до конца. Сколь прискорбным ни было вторжение ша, оно стало неплохой проверкой воинских навыков и, без сомнений, позволило судить о физической силе претендентов. Но мастер не преминула напомнить об испытании силы духа. Могла ли она принять в орден тех претендентов, что окоченели в водах озера во время испытания целеустремленности только потому, что седьмое время года выпало на одну из самых холодных зим в истории? Затем сопровождавшие ее служители забрали врученные ранее одеяния у Десятого, Большого Чаня и Пэй-Линь, не забыв поклониться на прощание. На следующий день мастер Снежный Вихрь вернулся с теми же самыми одеяниями. И так продолжалось целую неделю.

И вот они снова были все в сборе. Мастера повернулись и зашагали к преклонившим колени претендентам. Мастер Мудрый Шепот подняла бровь.

— Прошу прощения за наши колебания, юные пандарены. Уверена, что мастер Снежный Вихрь раскаивается не меньше. Вот к чему приводит отрицание традиций. К хаосу.

Коренастый мастер Шадо-Пан согласно кивнул, и на его широком лице начала зарождаться улыбка. Жестом он попросил ее продолжить.

— Этим утром мы обсудили расхождения между традициями и практичностью во всех подробностях и совместными усилиями достигли согласия. Мы решили... что не будем решать вовсе.

После этих слов мастер Мудрый Шепот сделала шаг назад, и ее место занял мастер Снежный Вихрь.

— Решение о том, подлежат ли новобранцы третьей проверке, примет тот Шадо-Пан, кому положено провести третье испытание. К великому сожалению, он покинул стены монастыря по велению долга после вашей схватки с ша. Он — мастер У Као и отвечает за все, что касается противодействия нашему гнусному врагу.

В лазурном утреннем небе раздался ястребиный крик, и Десятый улыбнулся. Он узнал этот крик.

— Благодарю вас за терпение, мастера.

Мастер Нужун вышел на террасу. На его ботинки налип толстый слой снега, а плащ изнашивался от долгих странствий. Десятый обратил внимание на темно-красные пятна на его рукаве. В одной лапе мастер нес большой арбалет, а в другой — мешок. Копье, которое Десятый впервые увидел на крыше таверны несколько месяцев назад, было перекинуто за спину. Мастер Нужун бросил мешок к ногам мастера Снежного Вихря и мастера Мудрый Шепот.

Мешок открылся, из него вывалились и покатались по каменному полу три отрубленные головы. Десятый сначала не заметил ничего необычного, но потом разглядел выпученные фасеточные глаза и заостренные жвала.

Богомолы.

В глазницах у каждой из голов торчало по арбалетному болту. Мастер Мудрый Шепот с видом профессионального натуралиста подняла один из отвратительных трофеев.

— Я обнаружил их в тайном логове неподалеку от Убежища Огненной Ветви, — сказал Нужун спокойным глубоким голосом, который так запал в память Десятого. — Но перед смертью они мне почти ничего не рассказали. Попытки на богомол-лазутчиков не действуют. Я все же отрубил им конечности, чтобы в этом удостовериться.

Мастер Снежный Вихрь кивнул и взмахом руки позвал служителя, стоявшего у дальней стены. Носыщая белый шарф Шадо-Пан поспешила захватить головы обратно в мешок и с поклоном приняла голову, которую протянула ей мастер Мудрый Шепот.

— Ну, теперь нам известно, кто в ответе за нападение. По крайней мере, теперь у нас есть серьезная зацепка, — промолвила мастер Мудрый Шепот. — К несчастью, это никак не повлияет на нашу тактику. Мы соберем на стене столько сил, сколько сможем, но враги все равно превосходят нас числом.

Мастер Нужун улыбнулся и впервые взглянул на юных пандаренов.

— По крайней мере, теперь в нашем ордене стало на троих бойцов больше... или станет, если они пройдут последнее испытание.

Мастер Снежный Вихрь откашлялся и недовольно нахмурился.

— Мне казалось, тебя более других впечатлит храбрость, с которой они уничтожили ша, вторгшегося в наш монастырь. Как еще можно показать силу духа, присущую всем Шадо-Пан?

Мастер Нужун честно ответил ему:

— Да, я впечатлен. Судя по тому, что я слышал, они проявили храбрость, показали свою силу и... незаурядную смекалку.

Тут он кивнул в направлении Десятого, который от этого смущенно заморгал и втянул голову в плечи.

— Тем не менее, по традиции они должны пройти три испытания. Так и будет. Мы устроим третье испытание, прежде чем эти юные пандарены станут полноправными Шадо-Пан.

Мастер Мудрый Шепот довольно кивнула (возможно, это было самое близкое к улыбке выражение эмоций, на которое она была способна). Она отступила назад, и мастер Нужун вместе с ней встал перед тремя испытуемыми. Одноглазый Шадо-Пан скрестил руки на груди.

— Встаньте!

Десятый, Пэй-Линь и Большой Чань поднялись.

— Я — мастер Нужун, моя стезя — У Као. Мы охотники, разведчики, шпионы и бесшумные убийцы. Мы — смерть, таящаяся в тени, и мы даем чудовищам понять, что ночи стоит опасаться.

Все вы прошли первое испытание и проявили решительность. Взгляните на свои лапы: каждый из вас отмечен нашим знаком.

Трое пандаренов посмотрели на недавно зажившие круглые отметины. У этих шрамов была форма рисунка на монетах: морда тигра. Десятый заметил улыбку на лице Большого Чаня.

Ну конечно, у него-то их три.

Мастер Нужун продолжил свою речь.

— Все вы прошли второе испытание, и полученные шрамы — свидетельство вашей силы. Их много, и станет намного больше, если вы присоединитесь к нам.

Десятый ощутил, как повязка стягивает лоб, и мрачно кивнул.

— Вы одержали победу над врагом, противостоять которому решаются лишь закаленные в боях Шадо-Пан. Вы познали весь ужас ша и ощутили его тьму,

затуманивающую рассудок и проникающую в самое сердце. Храбрость и сила помогли вам остаться в живых, но победа далась вам значительно более высокой ценой, чем вы думаете. Мы нарочно стараемся не отправлять в бой с таким врагом необученных воинов. С той самой секунды, когда началось битва, ваши души раскрылись перед ша и были отмечены им. Эта метка никогда не пропадет. С каждой новой битвой вам будет все сложнее и страшнее сражаться с ша. Теперь ша *знает* вас. Ему известны все тайны вашего разума, ваши слабости и страхи.

Десятый понял, что и правда чувствует доселе неведомый ему *страх*. Мастер Нужун был прав: это метка ша. Он сдержал нервную дрожь и поднял на мастеров взгляд; в его глазах была боль.

Их лица были непроницаемы. Мастер Нужун прикрыл свой единственный глаз.

— Итак, вот ваше третье и последнее испытание. Ша — воплощение страха, ненависти и зла на наших землях. Это безжалостный и неутомимый враг. Мы, Шадо-Пан, поклялись уничтожить ша. Мы — оружие и щит против этой напасти, последняя преграда для зла, которое могло бы легко поглотить всю Пандарию. Если вы примете клятву и вступите в орден, то добровольно согласитесь сражаться с ша. И не один бой, но до конца вашей жизни. Мы научим вас уничтожать их и поможем противостоять ужасу, который они приносят. Но одно могу сказать точно: страх никогда не исчезнет.

Мастер Нужун продолжил:

— Вот суть последнего испытания: примите клятву Шадо-Пан, зная все, что вы теперь знаете, и ощущая свежие шрамы на своих телах. Присоединитесь ли вы к нам?

Десятый внезапно ощутил холод, исходящий из самого его нутра.

Вновь встретиться в бою с ша? Мы... мы же едва выжили в прошлый раз. И теперь он знает меня? Я больше не смогу... не смогу предстать перед воплощением ужаса, которое снова и снова будет швырять меня на каменный пол.

Холодный ветер подул вдоль террасы, и Десятый поежился. От ледяного дуновения воздуха с этих проклятых гор у него заболели ребра. Десятый пристально посмотрел на маленький округлый шрам на своей лапе. Он подумал о возвращении в Полугорье, в свою родную долину.

Там было не так уж плохо. Я ведь смог выжить! Вор сумеет устроить себе сносную жизнь.

Вор.

В ярко-синих зимних небесах раздался крик Белоснежного Пера, и Десятый понял, что это слово больше не подходит для него. Он стал чем-то большим.

Нельзя сменить времена года.

Десятый подошел к мастеру Нужуну и крепко сжал его лапу.

— Я дам клятву и присоединюсь к Шадо-Пан, мастер Нужун.

Пэй-Линь встала рядом с Десятым, к ним присоединился и Большой Чань.

— Я тоже дам клятву, мастер Нужун.

— И я.

Мастер Мудрый Шепот с хмурым видом подошла к мастеру Нужуну и дотронулась до его широкого плеча.

— Но клятва Шадо-Пан не может служить достойным испытанием! Присяга — удел тех, кто преодолел все преграды. Это нарушение многовековой традиции...

— *Не смей* поучать меня, Ялия! Свои обязанности я знаю.

Резкие слова Нужуна были слышны в каждом уголке террасы, но в голосе его чувствовалась скорее суровое предупреждение, нежели злоба. Мастер Мудрый Шепот отступила с непроницаемым видом.

— Согласно традиции, последнее испытание проводит мастер У Као. И я провел его. Эти пандарены избрали служение своему народу, хотя прекрасно

осознают весь ужас, который ждет их в будущем. Они показали именно ту силу, храбрость и дух, что так нужны Шадо-Пан в эти смутные времена.

Белоснежное Перо вылетел на террасу и устроился на плече хозяина.

— Вы прошли последнее испытание, новобранцы Шадо-Пан. На закате вы принесете клятвы лорду Тажаню Чжу на Мосту Посвящения. И не бойтесь, в этот раз прыгать в озеро вам не придется.

Два других мастера покинули террасу, за ними по пятам вышли сопровождавшие их служители. Десятый заметил, что мастер Мудрый Шепот старалась не смотреть ему в глаза. Хотелось бы ему знать, всегда ли она так строга. Видеть ее в роли наставника ему вовсе не хотелось. Но всему свое время.

Отныне я — Шадо-Пан.

Он поклонился и пошел догонять Пэй-Линь и Большого Чаня. Теперь им можно было ночевать в общей спальне, и Десятому не терпелось растянуться на своей собственной кровати. Лучше всего, если друзья будут рядом.

— Десятый, Перченный Свиток, я хотел бы поговорить с тобой.

Десятый повернулся к мастеру Нужуну, присевшему на каменную скамью на краю террасы. Одноглазый Шадо-Пан прислонился спиной к стене — видимо, путешествие его изрядно утомило. Десятый подошел к нему и с почтением поклонился.

— Да, мастер?

Мастер Нужун взглянул на Десятого полным усталости взглядом и вытянул лапу.

— Ты забрал одну вещь, которая принадлежит мне. Я хотел бы ее вернуть.

Десятый улыбнулся, и его лапа скрылась в складках туники.

— Простите, мастер. Нельзя сменить времена года... а от старых привычек трудно избавиться.